

ПОПАДАНЕЦ
назад
в ЛИХИЕ 90е

Никита КИРОВ

**ВОЛК:
ЛИХИЕ 90-е**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К43

Серия «Попаданец. Назад в лихие 90-е»
Выпуск 12

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*
Дизайн серии *Анны Сазоновой*

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

Киров, Никита

К43 Волк: лихие 90-е : роман / Никита Киров. — Москва:
Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. —
352 с. — (Попаданец. Назад в лихие 90-е).

ISBN 978-5-17-165991-2

После несчастного случая я снова оказался в 1997 году, в то лето, когда потерял родных и друзей. Но в этот раз у меня есть шанс исправить все.

Цены считают в миллионах, деньги есть только у коммерсантов и бандитов, а народ с опаской ждет, чем еще удивят лихие 90-е. Ну а я отберу у этой эпохи все, что она у меня забрала. Отберу с процентами, которые она должна.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-165991-2

© Никита Киров, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

— Уволить, и дело с концом! — проорал начальник.

— Да погоди, Евгеньич, — сказал я. — Ну косячил парень, бывает. Год без косяков работал, а тут сразу увольнять.

— Да он нам тепловоз на неплановый ремонт загнал!

Испуганный слесарь из колесно-моторного цеха стоял перед нами в прокуренной комнате, где соби-
рались мастера. Начальник орал так, что слышно было во всем корпусе.

Но уже понятно, что обошлось, начальник от-
ходчивый.

— Сегодня объяснительную! — рявкнул Евге-
ньич. — А теперь в цех. Живо!

Слесарь торопливо выбежал, а Евгеньич засме-
ялся.

— Добрый ты, Михалыч, — сказал он. — Вот
вечно вступаешься. Ты же зам по ремонту, тебе по-
ложено орать больше, чем мне.

— А тебе лишь бы увольнять. — Я посмотрел
в журнал передачи смены, где были расписаны дела

на сегодня. — Один потом работать будешь? А уволишь, куда ему податься?

— Ну так сейчас и не девяностые, когда были только менты, бандиты или железная дорога. — Евгенийч закурил. — Но ладно, прав ты. Хотя сейчас с управления звонить будут... ох, как же они...

— Ну ничего, поорут и перестанут. — Я вытащил черную рацию из зарядной станции. — Сменный мастер, что с двенадцать — сорок два?

— На выкатку отправили, — через несколько секунд проскрипела рация. — Меняем третий тяговый двигатель!

Евгенийч выmaterился и достал телефон. Уже звонили большие начальники, спрашивали, что случилось. Локомотив только что пришел на неплановый ремонт, едва выйдя с планового. Парнишка отписал в журнале, что сделано, но машина вернулась в депо на следующий день.

— Пойду посмотрю сам. — Я убрал рацию в нагрудный карман, захватил сигареты и пошел.

За столько лет уже привык к депо. Сейчас утро и шумно, пришла дневная смена, мастера разошлись по цехам готовить бригады. В автоматном цехе мастер Бабурин орал на своих подчиненных, в топливном всей толпой ржали над чем-то. Мимо с гудением проехала грузовая кара, на которой стоял здоровенный цилиндрический комплект, уже снаряженный и готовый к установке. Машинисты прогрева загоняли в корпус очередной тепловоз.

Рация привычно скрипела, на втором канале велись привычные переговоры, наполовину по регламенту, наполовину неформальные:

— Сменный мастер! Зайди на раздачу!

— Понял!

— Техосмотр, Коля!

— Слушаю!

— Локомотивная бригада пришла на два ноля — семнадцать, нет прожекторных ламп.

— А где я их возьму?

— Ну, сними откуда-нибудь! Бригада без них не поедет.

Дошел до колесно-моторного цеха. Сегодня им привезли новые колесные пары. Грузовик встал рядом с корпусом, уже начинали выгрузку. А злополучный тепловоз 1242 уже стоял на выкатке, с него снимали заклинивший тяговый двигатель.

— Что там, Кирюха? — спросил я, входя в цех.

— Да ничего хорошего, Максим Михалыч. — крепкий парень двадцати пяти лет, бригадир колесно-моторного, спустился ко мне с палубы. — Менять будем. Как и смотрели?

— Так твои смотрели, — с раздражением сказал я. — Сегодня вон один из них получал.

Я вздохнул. Косяк отразится у них на премиях, что особенно хреново перед Новым годом. Но никуда не денешься, придется работать.

— Надо сегодня до обеда закончить и выгнать ее на хрен отсюда.

— Сделаем, Максим Михалыч. — Кирилл кивнул.

Мы отошли, пропуская погрузчик, который перевозил поддон с закрепленной на нем колесной парой.

— И еще. — Кирилл огляделся по сторонам и прошептал:

— В воскресенье чтобы вы как штык были у меня. Отказы не принимаются.

— Чтобы я да хоть одну свадьбу пропустил, — я засмеялся и похлопал его по плечу. — Тем более твою.

Хороший парень, а еще на брата моего похож, да и тезки с ним. Хотя мой Кирилл до двадцати пяти не дожил, как и до собственной свадьбы. Жаль, но... давно это было.

— Слушай, Кирилл, — сказал я. — Еще надо перед Новым годом сделать в цехе...

— Да куда ты! — крикнул он, посмотрев поверх моего плеча. — Рукожопы! Да кто так крепит? Ладно, Михалыч, пошел я их гонять, а то совсем расслабились.

Он отошел, а я достал рацию.

— Техосмотр, Коля! — позвал я. — Нашел лампу?

— Нашли, Михалыч. Уже...

За моей спиной раздался грохот. Тяжелая колесная пара сорвалась с подъемника и очень быстро покатила по полу. Прямо к стенду, где стояли Кирилл и слесарь, на которого сегодня орал.

Раздавит же их сейчас!

Рация выпала на пол. Я побежал, как в молодости. Слесарь отпрыгнул, а вот Кирилл замялся, не знал, куда броситься. Испугался, но ему же сейчас ноги переломает! А то и того хуже.

То ли я такой быстрый в своем-то возрасте, то ли было недалеко.

Толкнул Кирилла в плечо изо всех сил, но не рассчитал сам, уйти не успел. Колесная пара с зуб-

чатой передачей весом больше тонны врезалась прямо в меня.

Удар и хруст, и еще один, когда я упал и стукнулся об пол затылком. Колесная пара остановилась надо мной.

— Михалыч! — крикнул Кирилл, поднимаясь с пола. — Ты...

Хоть что-то успел. Жаль только, что тогда опоздал, когда мой брат... Глаза закрылись...

А потом будто кто-то сбросил меня вниз.

Я покатился на камнях, ударившись локтем. Какие тут камни? Откуда они в цехе?

Докатился вниз и распластался по земле. Не понял. Открыл глаза и огляделся. Саднило локоть, черные джинсы в белой пыли от камней, а сверху проезжал состав, который оглушительно гудел.

Поднялся на ноги. Когда лет уже под полтинник, опасно так падать.

Где я?

Я стоял прямо под железнодорожной насыпью, покрытой белыми камнями. Будто упал сверху и покатился по ним. Состав, нагруженный лесом, ехал дальше, тепловоз оставлял след густого черного дыма.

Пахло полынью, тут ее полно. Наверное, должно пахнуть и креозотом от шпал, но к этому запаху привыкаешь и не замечаешь. Я огляделся. Почему я в джинсах, а не в своей хэбэшке? И почему вместо ботинок старые тупоносые туфли? Вместо куртки со светоотражающими полосами на мне вообще джинсовка поверх белой футболки.

Темные очки разбились, вот они лежат у меня под ногами.

Ни хрена не понимаю, я их не носил лет двадцать. На камнях еще лежал пакет, на котором изображена улыбающаяся девушка в обтягивающей майке. Чуть дальше валялся рюкзак из козжама.

Не зима, а лето, очень жарко. Июнь? Возможно.

Но я знаю это место. Вот железнодорожная линия, делящая сибирский городок Новозаводск на две части — сам город и частный сектор, застроенный домами с участками.

Я сейчас там, где находятся частные дома. Будто как и раньше, в молодости, пошел прямо через пути, чтобы срезать путь и не обходить через мост. Ведь автобусов не было, а такси дорого, не по карману студенту.

Стоять мог без проблем, ноги почему-то уцелели, хотя я видел, что с ними стало после наезда колесной пары. Все в порядке, если не считать того, что прокатился по камням, когда решил перебежать через пути перед едущим поездом. Что вообще на меня нашло? Мне же не двадцать лет.

Но... посмотрел на руки, они совсем молодые. Да и вообще, ничего себе я схуднул. И одышки нет. Что случилось?

Встряхнул куртку, поискал телефон, но его не было. Зато в кармане джинсовки лежал паспорт... мой старый паспорт, который мне дали еще в шестнадцать лет. Советский, но внутри криво вклеен вкладыш, что я, Волков Максим Михайлович, гражданин Российской Федерации.

Еще есть кошелек, тоже из козжама. Внутри одна надорванная купюра в 10000 рублей, одна, совсем мятая, в 5000. Еще три купюры в 1000, совсем плохие.

Похожи на обычные, которые сейчас почти не ходят, в 10 и 5 рублей, только лишние нули. Но я их тоже помню. Их же тогда меняли на другие деньги, почти такие же, но там было поменьше нулей. Правда, купюры в один рубль так и не сделали. Еще в отдельном отсеке кошелька лежали белые монеты по 100 рублей и желтые по 50.

Где я их нашел? Такие только в музее водятся. Теперь понимаю еще меньше.

Но если буду здесь стоять, у насыпи, вообще ни в чем не разберусь. Передо мной пустырь, заросший полынью, я прошел через него, захватив рюкзак и пакет. В рюкзаке вещи, а в пакете тетради и бутылка дюшеса, пластиковая, полтора литра.

Будто вернулся в молодость. Но не в Советский Союз, в котором я жил в детстве. Сейчас здесь все иначе, но все еще хорошо знакомо.

Я прошел через пустырь и увидел улицу. На ней были только частные дома. Ворота одного открыты, рядом с ними стояла красная восьмерка. Возле нее несколько парней, которые сидели на скамейке с темными бутылочками. Местное пивзаводское. Только пивзавод тогда был процветающим заведением.

В машине играла магнитола, и эту песню я помнил. Я же тогда даже слушал эту группу.

— Домой, пора домой, — напевал Юра Клинских из «Сектора Газа».

Какой это был год? Парни в спортивных штанах, загорелые, прически короткие, курили все.

Чуть дальше — магазин под названием «Ксюша». Обычный домик из бревен, у которого сделали дверь во внешней стене. Он открыт, на входе висел

белый тюль от мух. Если я правильно помню, купить можно многое, если у тебя есть деньги. Правда, обычно их нет. Как говорится, если ничего не покупать, то цены хорошие.

Рядом со входом в магазин шла другая коммерция. На одной табуретке сидела бабушка, на другой, которая стояла перед ней, было три стакана жареных семечек разного размера.

Бабушка с трудом переносила жару, обмахивалась газеткой. Это что, баба Настя? Но она же умерла в конце 90-х. Как это возможно?

Остановился, пытаюсь все это понять. Но я же помнил это место, ведь я жил здесь раньше. И песня «Сектора Газа» идеально попадала в ситуацию. Ведь я же учился в другом городе, но приехал на каникулы. Попал домой.

Прогудел гудок. Это не поезд, мимо проехал МАЗ, поднимая целую тучу пыли. Улицы при Союзе здесь были покрыты асфальтом, но от него почти не осталось ничего, только ямы. Никто давно не ремонтировал эти дороги.

МАЗ ревел, он был нагружен полностью, прицеп забит под завязку. Позади торчали куски металла, огромные катушки медной проволоки и даже нечто, похожее на разрезанный корпус самолета. Сигналил мне водитель, дядя Вася, пожилой мужик с усами. Он поприветствовал меня поднятой рукой, я машинально кивнул в ответ.

Дядя Вася — бывший учитель истории, но вместо уроков он возил цветмет в Китай на своем МАЗе. Местные алкаши обшаривали все помойки, чтобы найти что-то ценное и сдать за деньги или

китайский спирт, который можно было разводить с водой. Но дядя Вася же переехал отсюда, а потом умер! Как он оказался здесь?

Это все сон. Или что-то другое?

Когда пыль улеглась, проехала другая машина. Очень дорогой джип, «Чероки», зеленого цвета. Это Лапины, они ездили в Китай, покупали там шмотки и продавали их на местном рынке. Но они тоже уехали, что с ними случилось потом, я не знал.

Столько воспоминаний, а я так и стою в пыли, отходя от удивления. Да невозможно все, но я видел это собственными глазами. Все как в тот день.

А ведь если живы дядя Вася и баба Нюра, да и Лапины еще здесь, а я тут, с деньгами, которые не ходят больше двадцати лет, одетый, как одевался в молодости, сам вдруг помолодевший... Но если это стало возможным, то должны быть живы и другие!

Я быстрым шагом пошел по улице. Благо, было недалеко. Дом на месте. Не пустырь с обгоревшими развалинами, как я видел недавно, когда проезжал мимо, а целый дом, каким он еще был в 90-е годы.

Построенный из бревен, с серой шиферной крышей и телевизионной антенной наверху. Огорожено все забором из красных досок, но палисадник обтянут металлической сеткой, за которой росли три дерева черемухи. Уже отцвела, но ягодок еще нет.

Я торопливо подошел к калитке и открыл. Большую часть двора занимал гараж, но если пройти дальше, начинался огород с ровными грядками. Тогда он позволял нам выжить, особенно когда деду не платили пенсию. В начале 90-х только огород и помогал.

Кирюха сидел на крылечке и разматывал леску, рядом с ним лежали китайские бамбуковые удочки. Это темноволосый худой парень семнадцати лет, он тогда закончил десятый класс и сейчас был на каникулах. Одет брат был в майку-тельняшку и старые штаны, на ногах черные шанхайки, легкая китайская обувь. Кулаки сбиты, он, как и я, усердно занимался кикбоксингом.

— Ждем тебя с утра, Макся, — с укором сказал он. — Но ты, по ходу, сразу в город пошел?

Да, я же в город и ходил. Сразу к товарищам. Не сказал бы, что друзья, но почему-то тогда я ценил их больше, чем семью и настоящих друзей. Знал бы, кто они... Но ведь сейчас-то я знаю.

— А чего так смотришь? — спросил Кирюха. — Будто призрака увидел.

— Будто бы...

Я помнил. Он же погибнет этим летом, в аварии. Потому что я...

Потому что я тогда совершил ошибку. И целых две. Невольно обернулся и посмотрел на дом через дорогу. Там никого...

Но ведь брат... Он как раз подошел ближе. Видно, как сдерживает радость, ведь старался ее не проявлять при всех. Тогда вообще старались ничего не показывать. Но Кирилл действительно с нетерпением ждал, когда я приеду. А я тогда...

Ну а сейчас я крепко пожал ему руку и похлопал по плечу.

— Вот я и дома, — сказал я.

— Дед отправил за молоком и в магазин, — пожаловался Кирилл. — Быстро вернись.

— Погоди. — Я достал кошелек и сунул ему пятнадцать тысяч. — Чего-нибудь купи к чаю.

— Ты будто мне миллион сунул. — Он рассмеялся. — Все, я скоро. Дед там, ждет тебя весь день, в окно заглядывает.

Вошел в дом. Дед сидел за столом. Когда родителей не стало, он один растил нас с братом. С виду суровый, но за нас переживал. Деда Боря разгадывал кроссворд, а по телевизору показывали еще бодрого Якубовича.

— Сектор «Приз» на барабане!

Дом маленький, кухня с печкой, она же столовая, и общая комната с двумя коврами, один на полу, другой на стене. Там же и старые гарнитуры еще с советских времен, и шкафы с одеждой. А в центре, под ковром, люк в подполье с картошкой.

Дед сидел за складным столом, который раскладывали полностью только на Новый год.

— Долго ты, Максимка, — недовольно сказал он. — Утром тебя ждали. Сейчас Кирюха придет, чаевать будем. Как учеба?

— Да хорошо.

Честно говоря, учился я так себе, но тогда было плевать, как ты учишься, если платил вовремя.

Я отогнал муху и сел за стол. Дед тоже не особо любитель показывать эмоции. Будто я отходил в магазин и вернулся. Но он так привык. Ветеран войны, проработал всю жизнь на железной дороге. Таким я его и помнил, как сейчас.

Это тот самый день, который я смутно помню, когда я приехал домой из института. Это мое про-